

ОДНАЖДЫ В ОРЛЕ

ПОЭТ И ПОЛКОВОДЕЦ

Пушкин ехал на юг. Подорожная, выписанная чиновнику 10-го класса, едущему до Тифлиса и обратно, предписывала давать ему лошадей без задержки. Выехав из Москвы 3 мая 1829 года, он выбрал не прямую дорогу на Воронеж, а сделал 200 верст лишних, чтобы навестить в Орле опального полководца А. П. Ермолова. Между городами Белевом и Орлом, упомянутыми в очерке «Путешествие в Арзрум», следует назвать Болхов по двум причинам: во-первых, нельзя было миновать этот старинный город на реке Нугрь; во-вторых, здесь, под сводами Спасо-Преображенского собора покоится предок поэта Иван Иванович Ржевский. Болховский краевед Александр Венедиктов в книге «России сердце не забудет» (Тула, 1990) рассказал о храбром воеводе-земляке, который погиб 3 августа 1678 года при защите Чигирина от турок и крымских татар, а 10 сентября похоронен в городе, где прошли его детство и юность, где, став воеводой, он строил собор.

Газета «Орловский край» 16 декабря 1916 года утверждала, что поэт по дороге заехал в Большую Чернь к Плещеевым и там прогостил несколько дней, о чем сохранилось много семейных преданий. С Петром Александровичем, хозяином имения, Пушкин мог быть знаком по Петербургу, поскольку тот учился в Благородном пансионе вместе с братом поэта Львом. Хорошо знал Пушкин по «Арзамасу» отца хозяина, композитора и драматурга Александра Алексеевича Плещеева.

К числу преданий стоит отнести и то, что было записано от старожила Малоархангельска в 1882 году, а в 1890-м опубликовано в «Русской старине».

Пушкин приехал в Малоархангельск поздно вечером и, сильно утомленный, заночевал на постоялом дворе. Власти, узнав о его приезде, «провели ночь тревожно, в ожидании, быть может, ревизии». Рано утром чиновники во главе с городничим, в парадных мундирах, при орденах, «сочли своей обязанностью, по долгу службы и присяги, явиться на постоялый двор и представиться А. С. Пушкину, как начальству: не будет ли каких-либо приказаний».

Они вошли в переднюю и представились сначала слуге. Тот сказал, что «барин его почивает, а когда проснется — неизвестно, должно быть, нескоро, потому что сильно утомлен дорогою». Чиновники, сидя в передней, стали ждать.

«Услышав за стеной, в некотором роде, «шепот, робкое дыханье», поэт обратился за объяснениями к своему человеку, а тот доложил ему все подробно.

— Гони их в шею дураков! — закричал неизвестно с чего рассердившийся Пушкин своему человеку, к неопisanному удивлению и еще большему ужасу малоархангельских властей, явно расслышавших грозный окрик и, так сказать, во исполнение его мгновенно исчезнувших с постоялого двора.

Но когда первый страх прошел и когда Пушкин, напившись чаю, уехал из города без всяких последствий, малоархангельские власти не знали, куда деваться от радости, и поздравляли друг друга, если с не вполне благосклонным приемом их Пушкиным, то с вполне благополучными проводами столь знаменитой и начальственной особы».

Писатель-орловец А. В. Германо, рассказав все это в статье «Пушкин на Орловщине» («Орловский альманах», Орел, 1949.

С. 179—180), писал: «Если действительно подобное происшествие было в Малоархангельске с Пушкиным, то возникает вопрос — не явился ли этот случай темой, подсказанной им Н. В. Гоголю для будущей комедии «Ревизор».

В память об этом предании в наши дни в Малоархангельске был открыт памятник поэту — дар родному городу местного учителя, талантливого скульптора Ивана Алексеевича Семеновского. Чуть откинув голову, приподняв цилиндр, поэт как бы замер в удивительном мгновении, созвучном его словам:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!

Наверное, таким он был восторженно-радостным, когда входил в дом А. П. Ермолова...

Алексей Петрович Ермолов (1777—1861) — герой Отечественной войны 1812 года, генерал от артиллерии и инфантерии, кавалер орденов Георгия 4, 3, 2 классов, Владимира 4, 3, 2 и 1 степени, Александра Невского, Андрея Первозванного, Анны 2 и 3 класса, Белого Орла, награжденный золотой шпагой за храбрость и такой же с алмазами, иностранными орденами — австрийским Марии-Терезии 3 класса, прусским Красного Орла 1 степени, персидским Льва и Солнца с алмазами и другими, покоится в Орле, на Троицком кладбище.

За два года до встречи с Пушкиным, 3 мая 1827 года, он, уволенный от должности командующего Отдельным Грузинским (потом Кавказским) корпусом, сел в рогожную кибитку и покатил в Орел, где жили его родители — отец Петр Алексеевич и мать Мария Денисовна, родная тетка поэта-партизана Д. В. Давыдова. Приезд знаменитого сына не мог быть радостным. Да и сам генерал в августе того же года писал своему бывшему сослуживцу П. А. Кикину, тоже уволенному в отставку:

«Я здоров, живу со стариком моим в деревне, нашел его очень слабым... Здесь я иностранец, вышедший на берега африканские. Как все пусто и дико! Люди с состоянием живут в столицах, с умеренными прячутся по деревням, удерживаемые падшими доходами, и наш город Орел кажется взятым штурмом ябедниками и подьячими. Невзирая на все сие, я строю дом в городе» («Русская старина», 1872. Ноябрь).

Писал, что в новом доме собирается разместить свою биб-

лиотеку. Добавим: надо было и о детях позаботиться. Пройдут годы. Генерал-лейтенантом закончит свою жизнь старший Виктор, генерал-майором Клавдий, полковником гвардии Север, только Петр навсегда останется молодым унтер-офицером Тенгинского полка. Все это случится потом. А пока четыре внука стали главной заботой и радостью часто болеющего Петра Алексеевича и остроумной, язвительной, как сын, Марии Денисовны. Пятый сын Николай родился в 1836 году, умер генералом.

В 1960 году писатель Г. П. Шторм дополнил это письмо новыми сведениями на страницах «Известий Академии наук СССР» (отделение литературы, т. XIX, выпуск 2. С. 144—148). Оказывается, едва Алексей Петрович перешагнул порог родительского дома в деревне Лукьянчиково на Оптухе, как сразу же попал под наблюдение местной полиции. Подполковник М. Н. Жемчужников, кстати, отец Алексея, Александра и Владимира, создавших вместе с двоюродным братом А. К. Толстым бессмертного «Козьму Прутков», приехал из елецкой деревни Павловки, где занимался хозяйством после жарких баталий 1812 года, поступил на службу и должен был аккуратно докладывать в Петербург о поведении отрешенного от дел генерала. Из донесений Жемчужникова, приведенных Г. П. Штормом, можно узнать, что когда Алексей Петрович приехал из деревни, чтобы назначить место для строительства флигеля, дивизионный генерал с офицерами приготовил было почать полководцу, но он отказался. Не принял Ермолов и самого подполковника корпуса жандармов Жемчужникова. Принял лишь купцов да коротких знакомых отца. В задуманном флигеле, подчеркивал Жемчужников, Ермолов решил поместить свою богатую библиотеку.

Тогда же, в августе 1827 года, в Лукьянчиково приезжал Денис Давыдов, родовое имение которого находилось в Ливенском уезде Орловской губернии.

«Я был у брата Алексея, — писал Денис Васильевич своему старому приятелю А. А. Закревскому, — он не грустен, не сердит и как будто выбитый с винта, на коем он вертелся тридцать восемь лет славной службы! Кажется, однако, что начинает кой-как привыкать к безмятежной жизни, начал зани-

маться приведением в порядок записок своих...» (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. 3. СПб., 1893).

Ермолов мог вспомнить свой приезд в Орел в 1809 году, когда его уговорил отец поехать в Сабурово, чтобы поздравить с днем рождения старого фельдмаршала М. Ф. Каменского, которого, как и его младшего сына-полководца, хорошо знал Денис Давыдов...

Новый 1828 год опальный генерал встречал в губернаторском доме. Жандармы, следившие за каждым его шагом, доложили по начальству о настроении полководца, о том, что он из всех орденов надел только один — Георгиевский крест, полученный от Суворова.

Майским утром 1829 года к Ермолову приехал А. С. Пушкин, написавший потом в «Путешествии в Арзрум»:

«Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова. Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого и набожного старика, что он не принимает одних городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью».

В портрете полководца поэт отметил круглое лицо, огненные, серые глаза, волосы дыбом.

Для понимания настроения полководца приведем его слова о себе из книги А. Г. Кавтарадзе «Генерал А. П. Ермолов» (Тула, 1977): «При благоприятствовавшем мне постоянно счастью, в мои лета, и при моих силах, мог ли я ожидать, что буду жить в праздности, в глуши деревни престарелого отца моего».

Горькие слова перекликаются с донесением М. Н. Жемчужникова 1828 года: «Генерал Ермолов живет уединенно, но иногда посещает театр, всегда в черном фраке и без орденов; так он был на балу у губернатора 31 декабря, что дало повод различным толкам; иные его осуждают, а многие и это приписывают величию его духа. Мрачный его вид, избобличающий душевное беспокойство, явно противоречит хладнокровному тону, с коим он рассказывает приятности своей настоящей жизни, будто давно им желаемой...»

К осени 1828 года дом в деревне был построен. Ермолов поселился в нем с сыновьями Виктором, Клавдием, Севером и Петром. Написал бывшему своему адъютанту Н. В. Шимановскому, приглашая в гости.

Где состоялась встреча А. П. Ермолова с А. С. Пушкиным?

Если верить публикации Б. Ермака и Б. Александрова в «Литературном альманахе» (Орел, 1939), то в мае 1829 года в Орле произошло удивительное событие. Оказывается, в то время, когда поэт ехал по нашему краю, во всех трех частях города полиция сбилась с ног, разыскивая Пушкина, чтобы ему объявить сенатское решение «обязать подпискою, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания». Решение было принято после долгого разбирательства по поводу стихотворения «Андрей Шенье», которое кандидат Московского университета А. Леопольдов переписал с пометкой «по поводу 14 дек.».

4 июня, почти через месяц после отъезда поэта из Орла, пристав 3-й части доносил, что «чиновника Александра Пушкина... по тщательному моему и квартальных надзирателей розыскам в подведомственной мне части не оказалось».

Искали и не нашли. Это дало основание кое-кому предположить, что Пушкин вообще приехал к Ермолову прямо в Лукьянчиково, как Денис Давыдов.

Оригинальное предположение противоречит свидетельству самого поэта: «Он живет в Орле, близ коего находится его деревня... Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика...»

Приведенные строки ясно говорят, что отец и сын жили в разных домах. Если бы под одной крышей находились, то зачем тогда «бывать»? Да и вряд ли можно было поместить под одну крышу родителей генерала и его самого с сыновьями, с библиотекой, которая, как нам известно, насчитывала более 8 тысяч книг. Для такой библиотеки нужен был дом большой и обязательно каменный. Именно таким было здание на Борисоглебской (ныне ул. Салтыкова-Щедрина, 8), увы, снесенное, представленное фотографией в книге «Здесь жил Пушкин», изданной в Ленинграде в 1963 году. Сторонники этого адреса ссылались на свидетельство краеведа В. Н. Лясков-

ского, получившего сведения от Н. П. Киреевской, хорошо знавшей Пушкина. Нашлись и архивные документы в Орле, подтверждающие, что после отъезда А. П. Ермолова в Москву (1831) этим домом владел его отец Петр Алексеевич...

Шторм предполагал, что Пушкин был у генерала три раза, что первые слова, которые он произнес, войдя в дом полководца, это: «Мне стыдно бы было б, если б я по дороге в Кавказскую армию не повидался с Ермоловым». Когда речь зашла о Карамзине, то Пушкин, по свидетельству Ермолова, заявил: «Меня удивляет его добродушие и простосердечие: говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как будто такие дела и поныне не составляют самого обыкновенного занятия наших царей».

Еще привел Шторм слова Ермолова из письма Д. В. Давыдова к П. В. Вяземскому: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения».

Пушкин читал Ермолову свои стихи! К этому выводу пришел Г. П. Шторм, исследуя архивные документы. Еще один вывод: поэт жил в Орле два дня. Где жил? Предположение орловских краеведов: гостиница, где останавливался Пушкин, была в одном квартале с губернаторским домом, который сгорел. Совпадение: именно в этом доме в 1800 году родилась А. П. Керн.

Встреча с полководцем была сильным впечатлением Пушкина. Из Тифлиса он написал Ф. И. Толстому, что Ермолов «был до крайности мил». Сохранился черновик пушкинского письма Ермолову 1833 года: поэт писал полководцу, что его слава принадлежит России, просил чести быть издателем его записок или историком. Однажды в Москве к старому генералу пришел П. И. Бартенев, будущий издатель «Русского архива», заметил ему, что его беседа в Орле с Пушкиным, конечно, была занимательна.

— Очень, очень и очень! — ответил «с одушевлением» А. П. Ермолов.

И еще добавил, что принимал поэта «со всем должным ему уважением».

Тогда же полководец, по словам Бартенева, сказал ставшую крылатой фразу, что «поэты суть гордость нации».

Встречу с поэтом полководец восторженно вспоминал...

Орел он покинул в 1831 году.

Через тридцать лет его привезли из Москвы. Крестовоздвиженская церковь (ныне на этом месте кинотеатр «Родина») 18 апреля 1861 года была переполнена. Преподаватель кадетского корпуса Е. Остромысленский говорил:

«Бывают и русские вельможи, что любят только чужеземные страны, что путешествуют и вовсе переселяются от нас в даль заграничную. А наш возлюбленный согражданин Алексей Петрович любил больше всего свою Родину, любил родной ему по сердцу и крови народ русский, любил и убогие его хижины под соломенными кровлями...»

Похоронили его у церковной стены на Троицком кладбище рядом с отцом и матерью.

Памяти А. П. Ермолова посвятил очерк Н. С. Лесков. Он, говоря о юности славного земляка, подчеркнул, что дворовый человек Алексей «учил грамоте будущего великого полководца». Вспомнил, что Кутузов называл его орлом. С гордостью отметил, что «славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду и после за мирным плетением лычных лаптей повещавшие «черному люду», как «с Ермоловым было и умирать красно».

В романе «Некуда» читаем: «На столе горели две свечи и ярко освещали величественную фигуру колоссального седого орла. Этот орел был генерал Стрепетов». Лесков не скрывал, что Стрепетов — это Ермолов.

В наши дни латышская поэтесса Мирдза Кемпе навестила Орел только для того, чтобы возложить венок на могилу героя-генерала.

Летом 1986 года цветы положил здесь ветеран Великой Отечественной войны Г. Г. Пушкин, правнук великого поэта.

Церковная стена, украшенная барельефным портретом, стала орловской святыней, наглядным свидетельством нашего преклонения перед мужеством и славой великих предков.

ЛЕСКОВ

Орел, по словам Н. С. Лескова, «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город...» Крылатые слова, часто повторяемые нами, относятся и к самому писателю, большому патриоту родного края, которому он подарил такие сокровища своего таланта, как «Тупейный художник», «Грабеж», «Мелочи архиерейской жизни», «Житие одной бабы», «Юдоль», «Несмертельный Голован».

Последнее повествование содержит описание места, где жил в детские годы будущий писатель: «Наш дом в Орле был на Третьей Дворянской улице и стоял третий по счету от берегового обрыва над рекою Орликом. Место здесь довольно красиво. Тогда, до пожаров, это был край настоящего города. Вправо за Орлик шли мелкие хибары слободы, которая примыкала к коренной части, оканчивающейся церковью Василия Великого. Сбоку был очень крутой и неудобный спуск по обрыву, а сзади, за садами, — глубокий овраг и за ним степной выгон...»

Там же говорится, что Голован — герой рассказа — «продовольствовал интересных особ, которых орловцы некогда узнавали в Паншине, в Лаврецком и в других героях и героинях «Дворянского гнезда».

Тургеневский берег был берегом детства Николая Семеновича Лескова (1831—1895), нашел в нем точного, до мельчайших деталей описателя. И не только берег. В том же «Несмертельном Головане» приметы старого Орла на каждом шагу: там виднеется зеленая колокольня Богоявленской церкви, там — мужской монастырь, там — «толстые купеческие коровы пыхтят» и «нет-нет в Орлике резвый окунь всплеснет». Еще узнаем, что славный наш земляк А. П. Ермолов, находясь на покое, коров разводил особой породы (вот о чем говорит нам длинное старинное здание фермы в Лукьянчикове, где жил опальный генерал), что Орел, Кромы, Елец, Ливны славились в старину «воровскими людьми», что в городе нашем были два замечательных сада — «губернский» и «городецкий».

Открываем роман «Некуда», начатый описанием трактового села Отрада с постоянным двором, едем вместе с Лизой Бахаревой в тарантасе и попадаем «по мягкой грунтовой дороге» в Московские ворота Орла, увы, снесенные в 1927 году.

«Между тем, — читаем далее, — тарантас, прыгая по каменным волнам губернской мостовой, проехал Московскую улицу, Курскую, Кромскую площадь, затем Стрелецкую слободу, снова покатился по мягкому выгону и через полверсты от Курской заставы остановился у стен девичьего монастыря».

Замечаем, что автору не следовало делать крюк в сторону Кромской площади и Стрелецкой слободы, и вместе с ним любуемся картиной старины:

«Монастырь стоял за городом на совершенно ровном, как скатерть, зеленом выгоне. Он был обнесен со всех сторон красною кирпичною стеною, на которой по углам были выстроены четыре такие же красные кирпичные башенки. Кругом никакого жилища. Только в одной стороне две ветряные мельницы лениво махали своими безобразными крыльями».

Согласны с автором, что «ничего живописного не было в положении этого подгородного монастыря» и все-таки благодарны ему за такое описание минувшего.

А как много орловского в «Мелочах архиерейской жизни»! И губернатор князь Трубецкой, и архиерей Смарагд — лица реальные. Верим, что враждовали. Верим, что на Полешской площади, нашей Полесской, жил отставной майор Шульц, устроивший с помощью чучел козла и петуха показ поединка между Смарагдом и Трубецким.

Из рассказа «Зверь»: «В имении дяди был огромный каменный дом, похожий на замок. Это было претенциозное, но некрасивое и даже уродливое двухэтажное здание с круглым куполом и с башнею, о которой рассказывали страшные ужасы».

Рисунок этого дома — под стеклом музея писателя в Орле. В этом доме, принадлежавшем помещику М. А. Страхову (село Старое Горохово), родился Лесков. В год его 150-летия, пробиваясь сквозь снега, сюда пришла машина из Змиевки. Ее ждали жители, толпясь у крайней избы. Состоялось торжественное открытие мемориальной доски, о чем в тот же день сообщило радио Москвы.

«Село Рахманы находится в соседстве с Гостомельскими хуторами», — читаем в рассказе «Язвительный». В раннем варианте: Салтыки, хорошо знакомое нам село по дороге на Кромь, с больницей, устроенной в старом помещичьем доме.

Гостомль — лесковское место. И «Житие одной бабы» — отсюда, и рукой подать до равнины, где стояла изба — хутор Панин, усадьба отца Лескова, край, где маленький Коля сидел с мальчишками у костра.

«Леди Макбет Мценского уезда» уводит нас в город старинный на Зуше.

— А вот здесь Катерина Измайлова жила, — говорят жители, показывая на старый дом, где долгое время располагался горисполком.

Пороли ее в Орле на Ильинке, где в 1920 году заложили Первомайский сквер, ставший с 1943 года сквером Танкистов.

Встречает нас Катерина в обществе Левши и других героев у памятника писателю на берегу Орлика близ Михаилоархангельской церкви. Лесков сидит на скамейке и смотрит на здание бывшей Орловской гимназии. Трудные времена ученья нашли отражение в очерке о земляке П. И. Якушкине.

Другой земляк, А. П. Ермолов, также удостоился доброго слова.

«Славу его, — писал Лесков, — протрубили не пристрастные газеты, не реляции... славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду и после за мирным плетением лычных лаптей повешавшие «черному народу», как «с Ермоловым было и умирать красно».

Вывел старого полководца в романе «Некуда» в образе смелого и язвительного генерала Стрепетова.

Другому генералу, С. М. Каменскому, не повезло. «Тупейный художник» — обвинение жестокому владельцу театра в Орле. Правда, писатель создал образ, в котором узнается многое из суровости его отца, генерал-фельдмаршала, но главный удар — по Сергею Михайловичу. В условиях крепостничества даже театр («огромное серое деревянное здание с фальшивыми окнами, намалеванными сажей и охрой, и огороженное чрезвычайно длинным полуразвалившимся забором», «очень хорошо виден с кладбища Троицкой церкви») был тюрьмой для актеров.

Есть в повести и явно вымышленное лицо — деревенский брат графа. Кто это? У С. М. Каменского, владельца театра, был один брат — Николай Михайлович, но он умер еще в 1811 году. Никак не мог появиться в театре, основанном четыре года спустя. Этот момент заставляет думать, что Лесков не столь описывал минувшее, сколько служил искусству, имеющему право на художественный вымысел.

Наверное, есть такие моменты и в «Юдоли», но в главном — рассказать жуткую правду о голоде в орловской деревне — он оставался правдивейшим летописцем.

Главы «Поэт и полководец» и «Лесков» приводятся по изданию: Катанов В. Однажды в Орле. — Орел, 1993.